Материнская зависть как атака на проживание счастья

Мария Шленина

- специалист, тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП.

Нет людей без зависти. Зависть — энергия, находящаяся в центре жизни человека как существа социального. Она возникает, когда индивид начинает сравнивать себя с Другим. Иными словами, зависть — признак развития когнитивных способностей. И человек без зависти — не человек. В этом смысле можно говорить, что зависть — один из вариантов познания, интроецированный в той системе, в которой человек живёт.

Сравнение себя с Другим предполагает, что этот Другой в представлении человека есть, и есть не просто сам по себе, как пустой объект, а как объект, наделенный проекциями и фантазиями о том, что у него есть и как ему это досталось. И в переживании зависти есть совершенно точно понимание, что Другому всё досталось гораздо легче и то, что у него есть, он вряд ли заслуживает.

Зависть в этом смысле становится инициатором личных отношений. Человек свою активность, свою моторную деятельность реализует в рамках фантазий о Другом, и о том, чем этот Другой обладает по отношению к субъекту. Страх вызвать зависть и желание вызывать зависть, перекрывающее этот страх, сдерживают и корректируют огромное количество действий. Степень зависти растет пропорционально близости к другому человеку. Чем больше проекций помещено в другого человека, тем более близким он переживается. Такой подход к зависти

Зависть — один из вариантов познания, интроецированный в той системе, в которой человек живёт.

В переживании зависти есть совершенно точно понимание, что Другому всё досталось гораздо легче, и то, что у него есть, он вряд ли заслуживает.

похож на описание переноса. Чем выше интенсивность переноса, тем выше интенсивность зависти.

Сначала я написала: «мать — самый близкий человек», но на самом деле это не так. Вообще-то ребенок — самый близкий человек для матери. При таком подходе ребенок становится объектом зависти, а не мать.

Мы привыкли, что дети завидуют. Кляйн писала: «ребенок завидует и испытывает зависть». Я предлагаю посмотреть на этот процесс с другого ракурса: мать завидует, а ребенок интроецирует завидующий объект. Мать переживает ребенка абсолютно близким. И ее, как среду, атакующую перегрузками близости, ребенок интроецирует в рамках слияния. Мы привыкли воспринимать зависть в контексте опасности. Люди из зависти совершают разные поступки. Зависть вынуждает концентрироваться на параметрах, которых недостаточно у тебя самого или они переживаются как отсутствующие. Человек не может воспринимать и объективировать то, что ему незнакомо. Он завидует тому, что спроецировано им в Другого.

Винникотт говорит: нет ребенка без матери, нет никакого чувства зависти, если завидующий виден. Отдельно самой по себе зависти не существует. Во-первых, мир завистника — это наш с вами мир. Отказаться, избавиться от зависти невозможно. Клиент может такой запрос сформулировать, но это — нерешаемая задача. Мир без зависти — это незавидный мир. Тут я вижу два варианта: либо это 100% осознанность, которая приведет к безэмоциональному состоянию: «чего завидовать, берешь и делаешь»; либо мир, без знаний, до осознания того, кто я есть. Как только появляется самоосознание, обнаруживаются стыд и зависть. Мир без зависти — это либо полностью осознанный мир, либо полностью бессознательный. Ни то, ни другое не является человеческим миром.

Второе, что хотелось бы сказать о мире завистника: человек, переживающий зависть, ее разъедающую форму, создает фантазию, что другие не завидуют, что все спокойно живут без зависти, а он один завидует, он страдает, а остальные в порядке. Я думаю, что вы сталкивались с этим не только в практике обучения, но и в личной жизни. Человек в зависти, я сейчас говорю «человек», но подразумеваю мать. Человек в зависти не хочет, чтобы ему завидовали, не хочет взаимности, он не хочет быть завидным, он хочет быть завидующим. Обнаружить себя, обладающим чем-то, что его каким-то образом делает объектом проекций Другого, ему страшно, этого он не хочет. Он хочет фантазировать о том, чего у него нет, а у других есть. Делать что-нибудь, вступать в связи, чтобы создать что-то подобное, он не собирается вообще. О принципе реальности здесь нет речи, нет никакой реальности; есть фантазия, что у Другого есть, а у меня нет, и так и должно быть.

Чем выше интенсивность переноса, тем выше интенсивность зависти.

Поэтому, когда человек просит избавить его от зависти, он врет, он не знает, что без зависти делать.

Человек завистливый, он не вор и не мошенник, ему не нужно всё, что есть у Другого, ему надо завидовать. Я подвожу к той проблеме, которая сейчас для меня вдруг стала очевидной: проблема прокрастинации. Прокастинация — тоже может быть примером сдерживания опасной активности и потенции.

Все душевные силы, вся психика направлены на то, чтобы затормозить активность, не обретая ничего вообще. Зависть позволяет человеку ничего не иметь, быть ничего не имеющим и не желающим ничем обладать. Когда он говорит «я хочу тоже», на самом деле он с этим «тоже» не знает, что делать. Максимум на что он готов — разрушать мир тех, кто что-то имеет. Всё отобрать и на всех поделить. Кто и что с этим поделенным делать будет? Никто и ничего. Будем делить дальше до неизмеримо малых величин.

Первое: мать — тоже человек. Второе: для нее зависть является средством защиты своего психосоматического единства, средство самосохранения. Иногда это средство самосохранения начинает быть избыточным и появляется риск «выплеснуть ребенка вместе с водой». Защита ради защиты, которая становится монотонной, одержимой. В этом смысле мать не выносит зависти ребенка. Она не может выдержать его признания ее преимуществ, того, что у нее больше возможностей по отношению к нему. Дети готовы это признавать, а вот матери — нет. Не все конечно, но… Зависть матери в первую очередь отторгает детскую часть себя, она разрывает связь с ребенком, устанавливая вместо субъектных отношений, субъектно-объектные, где ребенок становится объектом зависти.

> Зависть вынуждает концентрироваться на параметрах, которых недостаточно у тебя самого или они переживаются как отсутствующие. Человек не может воспринимать и объективировать то, что ему незнакомо. Он завидует тому, что спроецировано им в Другого.

Характерной чертой зависти является практически невозможное смирение с неравенством, признание неравенства возможностей всех людей и их положения. Идея равенства — это маниакальная идея о мире без зависти. Я не хочу никому завидовать, поэтому давайте ни у кого ничего не будет, а то очень раздражает. Зависть никогда не бывает безобъектной, она всегда направлена на объект. Есть объект, есть фантазия об этом объекте. Допустим, кто-то описывает очень плохой субъект, у которого все есть. Он плохой именно потому, что у него всё есть. Описание будет детальным, ведь ушла куча психических сил на то, чтобы эту фантазию создать и поддерживать: точно знать, что этому «гаду» повезло, у него родители, еще кто-нибудь, бог знает кто ещё, неважно. Зачастую на супервизиях я слышу, что аналитики оказываются затоплены этими содержаниями. Клиент не перестает говорить о «гадах», которые его окружают.

Зависть направлена на разрушение. Кляйн писала об инстинкте смерти, о конституциональном факторе, об «интроектах». Представим интроект как часть психического

Мир без зависти — это либо полностью осознанный мир, либо полностью бессознательный. Ни то, ни другое не является человеческим миром.

аппарата другого человека, управляющую твоим телом. Телесность ребенка или телесность любого человека является лишь частично его собственностью, но никогда не полностью. Зависть в этом смысле — внешнее проявление дефицитарности переживания самого себя, не своей дефицитарности, а именно переживания дефицитарности, которой нет.

Завистливый человек желает минимальных различий. Я думаю, что вы сталкивались с бытовым проявлением зависти, когда люди строят из себя специалистов в таких областях, как психология, воспитание детей, медицина. Во всех тех областях, которые страшны тем, что у другого человека как будто есть знания о тебе, которых нет у тебя. Помните ту шутку: нормальные же вирусологи были, зачем столько политологов развелось?

Завистливый человек желает минимальных различий, минимизируя различия через обесценивание. Да, он богатый, но он сволочь. Да, она мать хорошая, но не удалась жизнь. Да, у нее удалась жизнь, но она хреновая мать. Да, он умный человек, но он бедный. «Да, но» — это признак тщательно упакованной зависти, потому что мы занимаемся сравнением того, чего вообще не понимаем в чужой жизни, мы не можем понимать чужую жизнь, жизнь другого человека, даже собственного близкого, мы абсолютно понять не можем, это факт.

По Кляйн, источник зависти матери — ее собственная бессознательная фантазия о том, что ее тело и психика не могут обладать ничем желанным, а всё, что у нее есть — случайность, за которую она должна расплатиться или чей-то подарок. Изначально фантазия о том, что у меня ничего нет, могла являться спасительной для целого поколенческого ряда. У меня ничего нет, у меня незавидное положение, я останусь жив. Вообще, конечно, каждое следующее поколение лучше, чем предыдущее. Мы — лучшие матери, чем наши матери, но это источник зависти по отношению к своим детям — у них лучше мать, чем у меня, им повезло, а мне нет.

При восприятии детского потенциала, мать, может быть, затоплена своими инфантильными переживаниями. Потенциал ребенка абсолютизируется, и если мы берем совсем бессознательные, архаические фантазии, то она породила того, кто ее убьет. И поэтому тот, кто ее убьет, должен быть воспитан таким образом, чтобы не убил. Если не воспитан, то запуган или задавлен. И тогда система воспитания направлена на то, чтобы осадить потенциального убийцу, чтобы ему в голову это даже не пришло. Проблема в чем? В степени ужаса, потому что в этот момент ее личность переживается субъективно как хрупкая, уязвимая и тотально беспомощная. По сути дела, идет

Зависть позволяет человеку ничего не иметь, быть ничего не имеющим и не желающим ничем обладать.

оборот: тотально беспомощна и в ее власти на самом деле находится ребенок и его тело. Но в той мере, в которой у нее возникает в этом сомнение, она начинает захватываться завистью. И тогда мы встречаемся с ужасными новостями: мать убила своих детей. Понятно, что это психоз, понятно, что это психопатология, в которой психика женщины оказалась захвачена ужасающими фантазиями. В силу каких причин? У всех по-разному. Восприятие себя как слабой, не могущей ничего поделать с ребенком, с его активностью пережить непросто. Спящие дети все хороши. Активный ребенок кричит, ползает, все может, ничего не понимает и вообще он не дает ей ничего делать: развиваться, работать, отдыхать. Мы же знаем, как меняется жизнь с появлением в семье младенца. Ребенок в таком случае наделяется силой, способной уничтожить мать. Вероятно, весь арсенал кастрационных мер направлен на то, чтобы эту активность уничтожить. И тогда кастрационный комплекс — комплекс выживания системы «хрупкая мать — всемогущий ребенок». По сути дела, она, разрушаясь и обнаруживая свою психическую хрупкость, кастрирует его активность.

Кляйн писала: вытеснение активных маскулинных компонентов как у мальчиков, так и девочек, составляет важнейшую основу торможения в учебе. Маскулинность, в данном случае понимается как активность, как действие, деятельность, деяние. Если

Первое: мать — тоже человек. Второе: для нее зависть является средством защиты своего психосоматического единства, средство самосохранения.

она переживается опасной, то она тотально опасна. Иными словами, я боюсь разрушать мир собой и своими действиями. И я начинаю свои действия тормозить, максимально сберегая внешний мир от своего воздействия.

Сама по себе способность воспринимать и понимать является проявлением агрессии. Если я что-то воспринимаю и понимаю, я делаю это своим, съедаю. Если торможение слишком сильно, то усваивать пойманное нельзя. Оно чужеродное. Человек может, говоря словами Винникотта, «в рамках ложной самости», быть очень умным с точки зрения окружающих, но это просто очень хорошо обученный тупой.

Чем хороши мы с вами: мы сомневаемся, мы непоследовательны. Самое опасное для воспитателя — это последовательность. А матерям лень в основной своей массе. Потребовали и забыли, и нормально. Те, которые не забывают — страшные люди. Слышала от моей клиентки историю, что её мать чеки собирала. Хорошая идея, да? Правда, клиентка в анализ пошла и наплевала на эти чеки в итоге.

Активность, проявляющаяся восприимчивостью и пониманием — это сублимация, обучаемость. Сублимация маскулинной потенции — та маскулинная часть в мальчике и в девочке, которая позволяет вторгнуться в мир, оплодотворить собой и пожинать плоды этого оплодотворения. На это стоит запрет при тяжелой зависти, потому что любая активность переживается как убийство, причем не образное, а реальное. Я молчу

Характерной чертой зависти является практически невозможное смирение с неравенством, признание неравенства возможностей всех людей и их положения. Идея равенства — это маниакальная идея о мире без зависти.

про истории, когда мамы регулярно начинали падать в обмороки и прочие «сердечные приступы», чтобы показать, к чему приводит активность ребенка. Это восприятие ребенка как угрозы, приобретенное матерью. Стиль восприятия является наследуемым, т.е. мать, будучи ребенком, была также дискредитирована своей маскулинно-феминнной потентностью. Возможно, подобное обесценивание являлось спасением в определенные годы жизни рода, семьи.

Признание наличия в себе завидных качеств или их сублимационных проявлений, вызывает у многих клиентов дичайшее сопротивление, сопротивление человека, которому сейчас как будто горло перережут. Его убедить невозможно, не работает. Он может согласиться, он же хороший человек, покивать головой может, «да, да, говорите, пожалуйста, я-то знаю, что это всё вранье». Завидующим быть можно, а вот завидным быть опасно.

С некоторыми клиентами, анализандами мы попадаем в ловушку, где в попытке быть незавидным, терапию используют для того, чтобы расслабиться настолько, что теряется вообще всё. Они вдруг увольняются, когда никто не разрешал. В терапии, помните, есть такое правило, что в процессе прохождения терапии клиент не совершает значимых изменений: разводы запрещены, женитьба запрещена, никто никуда не дергается, все сидят на месте. Это аналитику можно, и то под вопросом, не отыгрывание ли это бессознательных желаний клиента. Но кто же слушается? Я сейчас понимаю, что с клиентами попала в ловушку, и они на самом деле не собирались ничего делать. Главная их мечта была вообще себя обезопасить полностью, как носителей каких-то способностей. Уходят с работы, которая их кормит. Они ищут работу, которая им нравится. Как один человек сказал: «я хочу работу, чтобы она была мне интересна, она мне нравилась, она меня кормила». Я сказала: «по-моему, вы не работу описываете сейчас, а какую-то женщину рядом». Работу работают, даже самую интересную. Психоаналитик — очень интересная работа, но к человеку восьмому, скорее, работаешь на бессознательных ресурсах. Не то чтобы неинтересно, просто другой фокус уже начинается. Те, у кого большая загруженность, знают, понятиями «интересно», «нравится» уже не оперируют.

Источник зависти матери — ее собственная бессознательная фантазия о том, что ее тело и психика не могут обладать ничем желанным, а всё, что у нее есть — случайность, за которую она должна расплатиться, или чей-то подарок.

Отношения с ребенком — вернемся к нашей первой женщине с ребенком — становятся нереальными, сновидными, но не в смысле свободных ассоциаций и символической функции сновидений,

они сновидные наяву. Он — зависимый, беспомощный разрушитель всего. Такое восприятие похоже на сгущение, когда один объект может совмещать противоположные качества, к реальности это никакого отношения не имеет. Это не ребенок, а смесь бульдога с носорогом. Он абсолютно беспомощен, и он абсолютно мощен.

В отношениях с ребенком у испуганной матери присутствует спутанность восприятия, нарушение мышления, сгущение реального объекта, ее восприятие реального объекта вместе с прошлым объектом. Мать проецирует в ребенка того взрослого, который ей понятен и который ее чудом не убил, хотя на самом деле все время об этом сообщал, что, если что, я тебя убью. И мать начинает запугивания сомнительного воспитательного характера, но, с другой стороны, правильные: если будешь плохо себя вести, тебя посадят в отдельное место куда-нибудь и сиди. Тогда ребенок пытается разными способами восстановить нарушенное мышление. Он отказывается от разрушающей активности. Решение в данном случае — отказ от реальности своего я.

Активность, проявляющаяся восприимчивостью и пониманием — это сублимация, обучаемость. Сублимация маскулинной потенции — та маскулинная часть в мальчике и в девочке, которая позволяет вторгнуться в мир, оплодотворить собой и пожинать плоды этого оплодотворения.

Отрицание само по себе маниакально, это способ уничтожить то, что меня тревожит. Речь идет об отрицании малейших намеков на свои мощности. Человек, приходя в анализ, сталкивается с тем фактом, что его видят, его воспринимают. Он употребляет весь арсенал психических ресурсов на то, чтобы не видеть, что его видят, он начинает отрицать реальность аналитика. Отрицание той степени, до которой меня отрицали.

В кабинете мы наблюдаем отказ от связей, человек сопротивляется восприятию Другим. Чем активнее аналитик настраивается на человека, тем выше будет степень сопротивления. Параноики это, в принципе, могут воспринять как угрозу уничтожения. Человек вынужден согласно его системе напряжений сдерживающих противовесов реагировать и оправдывать свое существование в кабинете. Он активно что-нибудь нам дает в виде жертвоприношения. «Не убивай меня, Иван Царевич, я тебе принес тут всё». Приносит тему соблазняющую, интересную: «я не опасен, смотри, какой я несчастный, всё плохо, у меня ничего нет, не убивай меня, не отбирай, пожалуйста». Я думаю, все

Вероятно, весь арсенал кастрационных мер направлен на то, чтобы эту активность уничтожить. И тогда кастрационный комплекс — комплекс выживания системы «хрупкая мать — всемогущий ребенок». По сути дела, она, разрушаясь и обнаруживая свою психическую хрупкость, кастрирует его активность.

Завидующим быть можно, а вот завидным быть опасно.

сталкивались с этим. Есть достаточно супервизандов, которые приносят свои случаи, в которых проблема в том, что аналитик и не собирается быть воспринятым клиентом в качестве аналитика. По сути дела, аналитик защищается от ужаса своей невидимости, и два умных человека о чем-нибудь разговаривают, это прекрасно, но ни к чему не приводит, только если к трате денег.

Маниакальное отрицание реальности собственных ресурсов является универсальным. Если же посмотреть пути отказа от реального, то чему завидует мама, если у нее мальчик? Это зависть к потентности, которую Фрейд описал как зависть к пенису. Мальчик опасен в том теле, в котором он есть. Что делать, чтобы не быть убитым матерью из страха перед моей потенцией? Стать частью ее, стать ее пенисом, но абсолютно управляемым и ее. Я — абсолютно идеальный пенис матери. И тогда ей можно не бояться. Мы видим вполне себе состоявшегося нормального мужчину, который почему-то ничего делать не может. Другой вариант тоже хорош: сократить всю свою активность и стать хорошим человеком, импотентом. Хороший в кавычках, понятно, что я не говорю, что он объективно хороший. Развивается психическая импотенция, не обязательно физическая — у меня нет ничего, что можно было бы кастрировать, поэтому я нахожусь в вечном поиске себя. И с одной стороны, поиск себя мотивирован, увидьте кто-нибудь меня, я войду в связь тогда, а с другой стороны, он невозможен, потому что отрицается его защитный характер. И человек бесконечно ищет себя.

Я думаю, что некоторые случаи гомосексуального пути развития тоже могут быть следствием попыток сократить свою активность и перенаправить ее к объектам, для которых ты безопасен.

Можно еще, знаете как защититься, — стать плохим, невкусным, мерзким. То, что кстати дети делают, подростки, когда у них эдипальный, сексуальный бунт. Орут, как обезьяны, ржут, воняют, делают все, чтобы быть противными и несоблазнительными.

У девочек я наблюдала отрицание своей потенции в виде формирования хрупкой оболочки, которая ничего не может. Я безопасна, где поставишь, там возьмешь. Такие хорошие и пустые. С чем приходят такие люди? У них в определенный момент начинается соматический кризис, потому что тело в таком отрицании находиться не может, оно в какой-то момент начинает выдавать гиперфункции. Тело не может быть отрицаемым в таком количестве. Психический аппарат находит последний бастион — увидеть себя, хотя бы через связь с хирургом.

Человек, приходя в анализ, сталкивается с тем фактом, что его видят, его воспринимают. Он употребляет весь арсенал психических ресурсов на то, чтобы не видеть, что его видят, он начинает отрицать реальность аналитика.

Зависть настолько разрушительна, что человек либо вынужден бессознательно наращивать большое тело, мимо не пройдешь, либо игнорирует реальность внутителесных процессов. Мы имеем дело с расщеплением, психический аппарат просто игнорирует сому.

Еще один интересный вариант для девочек отрицания своей потенции — альтруистичная невидимка. Она осваивает помогающие профессии и прячется за фасадом помогающего, отрицая реальность своего воздействия. Такие женщины любят техники, они правильно их применяют, потому что за техниками можно спрятаться. Одна моя знакомая говорит: я очень хочу освоить психологию, но только для того, чтобы диагностировать, работать я вряд ли буду. Потому что она реально столкнется с тем, что техники не работают. Работает человек, не техника.

Одна женщина — она плохо видела — говорила: меня никто не видит, игнорируя тот факт, что она никого не видит. Она линзы надела и говорит: оказывается, это я никого не видела, они все мимо меня ходили.

Клиент приходит в позиции сдерживания себя и описания того, чего у него нет, подразумевая, что это вообще-то должно быть. Он демонстрирует горевание по тому, что недодали, должны были, но не дали. Я такой, потому что меня «недо»: недовоспита-

Зависть настолько разрушительна, что человек либо вынужден бессознательно наращивать большое тело, мимо не пройдешь, либо игнорирует реальность внутителесных процессов. Мы имеем дело с расщеплением, психический аппарат просто игнорирует сому.

ли, недоучили, недолюбили, недодали. Главное, что ему не дали, это сообщение, что ты маленький, убогий и для того, чтобы что-то получить, надо развиваться. Что делает клиент? В разных формах он соблазняет аналитика быть средой дающей. Приходит человек с запросом, и задача наша — услышать за этим запросом дикий ужас, архаический фактически ужас распада оттого, что, не дай Бог, этот запрос решится. И чем ближе интуитивно начинаем подходить к решению, тем сильнее сопротивление. «У меня нет на это ресурса, я погибну».

Аналитик попадает в ловушку, присоединяясь к отрицанию. Тогда все решено, а базовый запрос — нет. Потому что базовый запрос — это самая страшная история. Настоящей сложностью становится объективация отрицания факта отрицания, отрицание того, насколько мать не видела реальное, а только желаемое и завидное. Мать в этом смысле — человек с дефицитом возможностей восприятия.

Аналитическая работа, всегда работа по сохранению ситуации за счет сеттинга, где возможно проникнуть в настоящее горе потери себя, в распад. Тот распад, который в рамках кабинета и в сеттинге абсолютен в субъективном переживании. И через растерянность уходит к активности, которая является сначала спонтанной, сырой. Я думаю, вы сталкивались, когда человек попробовал и говорит: «вот, я попробовал, ничего

Аналитическая работа — всегда работа по сохранению ситуации за счет сеттинга, где возможно проникнуть в настоящее горе потери себя, в распад. Тот распад, который в рамках кабинета и в сеттинге абсолютен в субъективном переживании.

не получилось». А откуда у вас идея, что всё, к чему вы прикасаетесь в золото превращается? Сначала любая способность проходит сырую форму, и я думаю, вот этот архаический ужас реального уничтожения связан с той сыростью форм у младенца.

Доступ к активности идет через какую эмоцию? Вторая стадия горевания — гнев. Помните стадии горевания: отрицание, гнев, торг. Вот мы до гнева в анализе и в жизни почти не доходим. В кабинете, в аналитическом процессе дойти хотя бы до гнева вполне реально, ярости в сыром виде на уровне речи, эмоций или символического ряда, когда мне клиент рассказывает ситуацию про свою работу и смотрит на меня: «ах ты старая вонючая сука! Как ты живешь-то на свете после этого?!». На меня смотрит в упор и все это говорит. Ну слава тебе, господи, живой, жить будет, гнев пошел, наконец-то. Наконец-то, понимаете, заявлено хоть какое-то право сообщить, что вот это мне нравится, а вот это нет.

Мы в анализе до эмоций гнева можем не доходить не потому, что аналитик боится, весь анализ служит обслуживанием отрицания потенции клиента. Мы не замечаем, что клиент нас не видит и мы его тоже не видим. В контрпереносе ощущаться может все, что угодно, при этом возникает оттенок: что-то не то.

Один из возможных и полезных для меня вопросов — о самосупервизии. Первый вопрос: а кого он видит? Это классика жанра. Кого перед собой видит человек, который пришел? А второй вопрос: как вы думаете, я зачем с вами время провожу? Мне это зачем? «Вам деньги нужны». У меня на ваше место еще пятеро. Меньше, конечно, всё не так. Он говорит: «тогда не знаю, зачем». Час жизни, который мне никто не вернет по сходной цене. Зачем? Мне это зачем? «Не знаю», говорит, «давайте думать». Интересный вопрос: зачем с вами проводить время? Вот зачем вам люди, вы сказали, а вы-то им зачем? Вопрос очень провокационный с одной стороны, а с другой полезный. Человек ошарашен, он не задавался этим вопросом, потому что он уверен в ответе, он — угрожающая субстанция. Он к чему прикоснется, все разваливается. Все увидят вас, как препятствие на дороге, вы ни в каком месте не интересны. Все идут по своим делам. Мне с вами интересно, у меня вообще нет неинтересных людей. Мне с вами интересно, поэтому я с вами. Он спрашивает: «а что? То,

В контрпереносе аналитик может с ужасом и диким стыдом обнаруживать крайне асоциальные, постыдные по своему содержанию фантазии. Они относятся к крайне архаическим формам взаимодействия людей.

что я рассказываю?». Вы интересны, сидеть с вами интересно, вот вы, когда молчите, интересней оказываетесь. Вас кто-то научил болтать без умолку. Похоже, ваша мама, вы только глаза открывали, когда просыпались, у нее сразу рот автоматически открывался.

Аналитик не равен испуганной матери ребенка. Аналитик, он — испуганный, растерянный, но внимающий.

Активность клиента может быть выражена в бессознательных фантазиях крайне архаического мерзкого содержания, которые он, конечно, не говорит, не чувствует. Кто это делает в кабинете? Аналитик. В контрпереносе аналитик может с ужасом и диким стыдом обнаруживать крайне асоциальные, постыдные по своему содержанию фантазии. Они относятся к крайне архаическим формам взаимодействия людей. Задача: смотреть это кино внутри до конца с одним единственным вопросом — а о чем это? Это про что? С моей точки зрения, задача не про технику думать, а отдаваться на волю в самых мерзких фантазий. В этом смысле мы что делаем по Биону? Контейнируем бета-элементы, которые проходя обработку, превращаются в альфа-элементы. Это могут быть фантазии сексуального характера, каннибалистического характера и т.д.

Аналитик не равен испуганной матери ребенка. Аналитик, он — испуганный, растерянный, но внимающий. Выход на эти фантазии позволяет психике найти подходящие сублимированные формы активной бытийности клиента. Речь идет о том, что мать в отношении ребенка не позволяла себе фантазировать, переживая собственную мощь. Я с тобой сделать могу, что угодно. Часть матерей не признается в этом. Нормально фантазировать, что бы они сделали с ребенком. И всем хорошо. Я вот знаю одну женщину, она говорит, если сверху подушечку положить и подольше подержать, что будет? Она подумала об этом и ей легче стало.

Таким образом, фантазирование и раскрытие завистливых фантазий и ребенка, и матери на сессии с базовым запросом на активность и потенцию и, одновременно, с сильнейшим сопротивлением к их обретению помогает нам освободиться от власти зависти.